

ОЛЕГ СЕРГЕЕВ (Йошкар-Ола)

ОБОЗНАЧЕНИЕ МАРИЙСКОГО ЗАДНЕЯЗЫЧНОГО ШУМНОГО *z*
КИРИЛЛИЧЕСКОЙ БУКВОЙ *z* И ЛАТИНСКОЙ *g*
В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Abstract. The Mari Velar Obstruent *z* and the Latin Grapheme *g* in Mari Writings of the Second Half of the 18th Century

The article analyzes the use of the Cyrillic letter *z* and the Latin grapheme *g* in the early written records of the Mari language. The letter *g* was first used alongside the letter *z* in the Cheremis grammar of 1775. In the grammar, the letter *g* is used more frequently than its variant *z*. The grapheme *g* is used more frequently than the letter *z* in Damaskin's handwritten dictionary. In the unpublished dictionary by V. Kreknin and I. Platunov, the letter *g* is used very limitedly. There are many examples where the letters *z* and *g* are used in parallel. Both lexicographic works were compiled in 1785. In the Damaskin's dictionary, the active use of *g* can be explained by the church canons of writing. In the Kreknin's monument, the letters *g* and *z* are used as graphic synonyms. There are lexical units where the Cyrillic letter *z* and the Latin letter *g* are fixed in the same word.

Keywords: Mari language, history of Mari orthography, application of Latin letters in Cyrillic, Church Slavonic writing tradition, velar fricative and velar stop.

1. В истории мари́йской письменности период конца XVII — начала XVIII вв. считается временем зарождения современного буквенного письма. В основе первых мари́йских слов лежала латиница. Развитие письменности продолжили в 30-е гг. XVIII столетия академики Петербургской академии наук. Вторая половина XVIII в. — это время появления первых объемных словарей мари́йского языка. Руководителями проектов были церковно-служители, нижегородский и алаторский митрополит Д. Дамаскин и его соратники — вятские священники В. Крекнин, И. Платунов, неплохо знавшие «черемисский» язык. Сплотив вокруг себя инородческих учащихся Нижегородской и Кукарской семинарий, а также священников, владеющих языком своего прихода, они взялись за составление словарей. В итоге, во второй половине XVIII в. за короткий срок были подготовлены

Received 30 June 2025, accepted 14 November 2025, available online 10 December 2025.

© 2025 the Author. This is an Open Access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY 4.0 (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>).

один марийско-русский и два русско-марийских словаря.¹ Это начинание главным образом было связано с идеей российской императрицы Екатерины II о создании сравнительных словарей всех языков и наречий Российской империи. При создании этих трудов Д. Дамаскин, В. Крекнин и И. Платунов пользовались лексическими материалами первой марийской грамматики, насчитывающей более тысячи слов.

«Краткой черемиской словарь съ російскимъ переводомъ» В. Крекнина и И. Платунова² является первым лексикографическим трудом, где впервые был засвидетельствован порядок букв марийского алфавита, однако сам алфавит не представлен. Рукописный памятник составлен в 1785 г., по структуре является марийско-русским. Словарь начинается с буквы *А* и заканчивается на *Я*, всего приведены слова на 22 алфавитные буквы: *А, В, Г, Д, И, Ј, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ц, Ч, Ш, Э, Ю, Я*. Итого 7 — гласных, 15 — согласных (в современном лугово-восточном литературном языке — 36, а в горномарийском литературном языке — 37 букв). Из-за отсутствия в составе русского алфавита (в русском алфавите всего 33 буквы) марийских специфических букв *Ӗ, ӓ* и *Ӧ, ӧ* слова, начинающиеся на эти буквы, включены в состав буквы *Ј* (*j*) и передаются диграфами *jo* и *jю*. На анлаутную букву *ӓ* в словаре представлена всего одна лексическая единица: *jordžeň* 'побочный', совр. мар. *ӧрдӱжын* [ӧrdʒʒɨn] 'набок'. На анлаутную *ӧ* даны три лексемы: *јюмюръ* 'древность', *јюмюръ годсо* 'древний', *јю арня* 'масленица, сырная неделя', совр. мар. *ӱмыр* [ӱmɨr] '1) век; 2) жизнь (время от рождения до смерти)', *ӱмыр годсо* [ӱmɨr ɣodso] досл. 'во время жизни', *Ӱярня* [Ӱjɑrɨnɨ] *рел.* 'Масленица' (МРС 1991 : 377).

2. В своей работе мы хотели бы остановиться на одной малоисследованной теме — использовании кириллической буквы *г* и латинской *g* для передачи марийского звука *g* в памятниках письменности второй половины XVIII в. Общеизвестно, что в марийском языке, как и во всех финно-угорских языках, консонант [g] является вторичным, исторически восходит к глухой параллели [k]. Он появился в результате озвончения в интервокальном положении и в положении после сонанта. Употребляется в ограниченных фонетических позициях (подробнее см. СМЯФ 1960 : 96—100; также Alhoniemi 1985 : 16, 17, 29; Куклин 2013 : 76—78). По акустико-артикуляторным признакам марийская фонема *g* — «это звонкий слегка сонантизованный шумный заднеязычный плоско-щелевой звук» и «очень похож на соответствующий южнорусский фрикативный согласный» (СМЯФ 1960 : 100).

Буква *g* в ранних письменных памятниках марийского языка, составленных на кириллической графике, впервые употребляется в грамматике «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ черемискаго языка», составленной казанским архиепископом Вениамином Пуцекком-Григоровичем (Сочинения 1775). Не исключено, что автору грамматики как полиглоту его языковое чутье помогло понимать сходство спирантного *g* в разных языковых системах, в нашем случае в финно-угорских, восточнославянских и тюркских. Не случайно В. Пуцек-Григорович для

¹ «Словарь черемисскаго языка съ російскимъ переводомъ», «Краткой черемиской словарь съ російскимъ переводомъ», «Словарь языка черемисскаго».

² Рукописный памятник издан нами с полным лингвистическим анализом, см. Сергеев 2020.

передачи марийского заднеязычного *z* использовал буквы *z* и *g*. Если первая буква могла использоваться для обозначения звука *z* [ʒ], звонкого щелевого, то вторая *z* [g] для обозначения смычного.

Важно отметить, что Пуцек-Григорович³ также является автором грамматики удмуртского языка и грамматики чувашского языка. В 1769 году им были изданы «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка», а в 1775 году вышли в свет «Сочинения, принадлежащие к вотской грамматике» (подробнее см. Сергеев 2021 : 342—348).

Примечательно, что буква *g* активно применялась во всех трех грамматиках. Удмуртской букве *g* посвящено несколько статей, в особенности можно указать работу Б. И. Каракулова (1999 : 71—74). Тщательно изучив памятники письменности удмуртского языка XVIII—XIX вв. и проанализировав работы своих коллег, например, Т. И. Тепляшиной (1965 : 237), В. И. Алатырева (1975 : 6—7), Б. И. Каракулов пришел к выводу, что «факт введения и сохранения латинской графемы больше связан с церковными канонами письма» (1999 : 73). Далее он отмечает, что «в памятниках удмуртской письменности, написанных на кириллице, обозначение заднеязычного /z/ латинской буквой *g* относится примерно на период с 1775 по 1847 год;⁴ введение латинской графемы *g* для обозначения нерусского взрывного заднеязычного связано с целями сохранения «святости» обозначения спирантного или фрикативного звука кириллической графемой *z*, памятники удмуртской письменности, написанные на кириллице, но сохранившие латинскую графему *g*, создавались священниками или под их сильным влиянием» (Каракулов 1999 : 74).

И. В. Тараканов, анализируя графику первой удмуртской грамматики, пишет, что «используемые буквенные изображения полностью заимствованы из русского языка, добавлены лишь две буквы латинского алфавита *g*, *i*» (Тараканов 2007 : 77). По поводу применения буквы *g* нет никаких объяснений. В список согласных буква *g* И. В. Таракановым не включена.

Буквой *g* пользуется составитель «Краткого Вотского словаря с российскимъ переводомъ...» Захарий Кротов (см. Кротов 1995). Анализируя графику этого памятника, относительно *g* Т. И. Тепляшина пришла к выводу: «Латинской буквой *g* в рукописи передается удмуртский *g* (орф. *z*)» (Тепляшина 1995 : IX).

3. По вопросу употребления буквы *g* в чувашской грамматике имеется несколько мнений. В. Д. Димитриев считает, что «в чувашской грамматике латинская буква *g* употреблена для обозначения заднеязычного

³ Вениамин Пуцек-Григорович (1706—1783) родился в семье значкового товарища (чин унтер-офицера в казачьих войсках) малорусского казачьего Лубенского полка в селе Лохвица Полтавской губернии. Митрополит Вениамин — епископ Русской православной церкви, митрополит Казанский и Свияжский ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Вениамин_\(Пуцек-Григорович\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Вениамин_(Пуцек-Григорович))).

⁴ По материалам Л. М. Ившина, «латинская буква *g* (наряду с русской *z*) используется для обозначения удмуртской фонемы *z* в памятниках последней четверти XVIII — первой трети XIX века. Исключением являются русскоязычные материалы Г. Ф. Миллера (1791 год) и словарь Ф. А. Волегова 1833 года, в которых удмуртский /z/ обозначается только русской буквой *z*. [---] Поэтому можно заключить, что с 30-х гг. XIX века удмуртский согласный звук /z/ в памятниках удмуртской письменности уже начинает обозначаться только русской буквой *z*» (Ившин 2010 : 207).

взрывного *z*, что позволяет видеть в ведущем авторе украинца» (Димитриев 1967 : 158; см. также Егоров 1951 : 86), т. е. редактора всех трех грамматик В. Пуцка-Григоровича. В. Г. Родионов выдвигает другую версию. Он пишет: «...использование в грамматике латинской буквы *g* не является достаточным аргументом в пользу авторства В. Пуцка-Григоровича. Во-первых, вплоть до начала XIX в. ни в одной из духовных од (они сочинены в Казани) не имеется подобной буквы. Во-вторых, [---] близкий к латинскому *g*, есть не только в украинском, но и в чувашском языке. В связи с этим близость латинского и чувашского звуков мог обнаружить, скорее всего, не украинец, а природный чуваш» (Родионов 2012 : 53—54). Человеком, который впервые использовал в чувашских текстах букву *g*, В. Г. Родионов считает Еремея Рожанского, хорошо знавшего как латинскую грамматику, так и природу звуков чувашского языка (Родионов 2012 : 58).

4. Латинской буквой *g* активно пользовался составитель рукописной грамматики пермского языка (1838 г.) священнослужитель Ф. Любимов. Эта графема присутствует в алфавите данной грамматики. «Строчные или прописные» буквы *z*, *g* соединены между собой союзом *или*, ср.: «*z*, *или g*» (Любимов 2007 : 117). В третьем параграфе своей работы Ф. Любимов подчеркивает: «*Г* никогда не произносится такъ, какъ Россійское *z* а всегда какъ Латинское *g*. Напр. пишется *gagъ* а выговаривается *gagъ*, червь, *gorъ* а не *горъ* печь» (Любимов 2007 : 117). Во втором параграфе рукописи составитель отмечает, что «Въ Пермьскомъ языкѣ необходимо нужно быть тритцать шесть буквѣ; изъ кои тритцать тоже значеніе и силу имѣють какъ въ Россійскомъ употребленіи кромѣ литеры *Г*, *z*...» (Любимов 2007 : 116). Интерпретируя графику и орфографию грамматики Ф. Любимова, в частности, употребление кириллической *z* и латинской *g*, А. С. Лобанова отметила: «На применение латинской буквы *g* на месте пермяцкого орфографического *z*, скорее всего, повлиял тот фактор, что автор «Грамматики» был церковнослужашим, а для церковных слов было характерно (частью сохранилось и по сей день) применение фрикативного [g]. Нет никаких данных по поводу того, что для коми-пермяцкого языка [z] был задненебным взрывным звуком, но не фрикативным. В русском литературном языке середины 19-го столетия функционировал [z] в таком качестве, в каком он и сегодня выступает, однако в южных говорах сохранялся более архаичный фрикативный *g*» (Лобанова 2007 : 211—212; см. также Лобанова 2008: 11—12).

5. Как уже отмечалось, «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ черемискаго языка» — это первый памятник, где встречаются и кириллическая буква *z*, и латинская *g*. В словаре Г. Ф. Миллера, который написан кириллицей в 30-х гг. XVIII в., и в словниках, подготовленных главным образом для сравнительного словаря П. С. Палласа, буква *g* отсутствует. Нет ее и в первом стихотворении, переведенном в 1767 г. на марийский язык учащимися новокрещенской школы (под пристальным вниманием священнослужителей) и прочитанном во время встречи императрицы Екатерины II.

В «черемисской» грамматике нет какого-либо правила по использованию литеры *g*. Касательно этой буквы, используемой в «Сочиненіи...», И. Г. Иванов пишет: «Автор правильно понял природу марийского фрикативного *z*, который он обозначил латинской буквой *g*: *uoga*

'соха', *aga* 'пашня', но не последовательно (ср., например, его транскрипцию слов *агунь* 'овин', *шогань* 'лук', *логаламь* 'попадусь')» (Иванов 1975: 14), ср.: [šoɣa],⁵ [aɣa], [aɣun], [šoɣan], [loɣalam].

Относительно этой же темы другой марийский лингвист Г. И. Лаврентьев отмечал: «В ряде случаев на письме разграничиваются фонемы и их оттенки. Так, основной оттенок заднеязычного щелевого *z* передается буквой *z* (*волгодо* 'светлый', *тигиде* 'мелкий', *ойго* 'печаль', *тугэ* 'так'), смычный же оттенок изображается буквой *g* (*менге* 'столб', *лопшанге* 'жук')» (Лаврентьев 1977 : 43), ср. [volɣodo], [tiɣide], [ojɣo], [tuɣe], [menge], [lopšanɣe]. Во многих примерах *g*, находясь рядом с буквой *n*, образует сочетание *ng*, которое применено для обозначения заднеязычного смычного носового сонанта *n*, ср., например: *анга* 'загон, полоса', *венге* 'зять', *ижинг* 'сустав', *йонгежъ* 'лук', *кенгежъ* 'лето', *мерангъ* 'заяц', *онгъ* 'грудь', *онга* 'доска', *руашъ ленгешъ* 'квашня', *тенгезъ* 'море', *тунгдемъ* 'натягаю, гну', *чонгештемъ* 'летаю', *цанга* 'галка', *шинга* 'комар', *энгежъ* 'малина', *энгеръ* 'река', ср. совр. мар. *анга* [aŋa], *венге* [veŋe], *йыжын* [jɨʒɨŋ], *йонгеж* [joŋeʒ], *кенгеж* [keŋeʒ], *меран* [meran], *он* [oŋ], *онга* [oŋa], *руаш ленгеж* [ruaʃ leŋeʒ], *тенгыз* [teŋɨʒ], *тунгдем* [tɨŋdem], *чонгештем* [čoŋeʃtem], *чанга* [čaŋa], *цанга* [caŋa], *шынга* [šɨŋa], *энгыз* [eŋɨʒ], *эгер* [eɣe].

В отдельных словах звук *n* и звукосочетание *ng* графически никак не различаются, ср.: *арланге* 'крот', *лопшанге* 'жук', *менге* 'верста', *мионгō* *пуемъ* 'отдаю, возвращаю', *мионгю* 'назад', *оланге* 'окунь', *санга* 'лоб, чело', *тенгече* 'вчера', *тенге* 'монета', *шенгелне* 'за, позади', *шенгець* 'позади', *шеренге* 'сорога', *шонгемамъ* 'стареюся', *шонго* 'старый' и нек. др., ср. совр. *арланге* [arlanɣe] (*арлан* 'хомяк' [arlan]), *лопшанге* 'шершень' [lopšanɣe], *менге* [menge], *мōнгō* *пуэм* [mōŋgō puet], *мōнгō* [mōŋgō], *оланге* [olanɣe], *санга* [saŋa], *тенгече* [teŋgeče], *тенге* [teŋge], *шенгелне* [šeŋgelne], *шенгеч* [šeŋgeč], *шеренге* [šereŋge], *шонгемам* [šoŋgetam], *шонго* [šoŋgo]. В данном случае *z* (т. е. *z* после носового сонанта *n*) изменяет свое звучание и произносится не как щелевой консонант, а как смычный.⁶

Анализ марийской грамматики позволяет говорить о том, что в использовании кириллической буквы *z* и латинской *g* не было строгих определенных правил. Составители словника могли писать и *z*, и *g*. Буква *z* в основном встречается в интервокальном положении и после сонантов, ср., например: *агунь* 'овин' [aɣun], *волгондцо* 'молния' [volɣondco], *вюргене* 'медь красная' [vürɣeŋe], *йошкаргемъ* 'краснеюся, стыжуся, зарюся' [joškaɣeɣem], *кугу* 'теща' [kɨɣu], *кугу* 'великий' [kɨɣu], *кугу* *коля* 'крыса' [kɨɣu kol'a], *кюжго* 'толстый' [küžɣo], *нергемъ* 'мой порядок' [neɣeɣem], *нюгаръ* 'раб' [nüɣar], *сосна-иге* 'поросенок' [sosna iɣe], *тигиде* 'мелкий' [tiɣide], *тугуларъ* 'сват' [tuɣular], *тугуларце* 'сваха' [tuɣularce], *чйялгемъ* 'крашуся' [čialɣem], *эрге* 'сын' [eɣe]. Буква *g* главным образом встречается в начале слова, и, как и буква *z*, после сонорных согласных и между двумя гласными: *галтакъ*, *галтакемъ* («междометия, значащія болѣзнь и печаль») [ɣaltak, ɣaltakem], ср. совр. *калтак* межд., употр. при внутренних переживаниях человека, напр., для выражения сочувствия, жалости (СМЯ 1992 : 233) [kaltak], *гинь* 'как,

⁵ В фонетической транскрипции фрикативный оттенок дается как *ɣ*, а смычно-взрывной — знаком *g*.

⁶ О передаче марийского специфического звука *n* [ŋ] в памятниках письменности конца XVII—XVIII вв. см. (Сергеев 2022 : 279—281).

как только, ежели⁷ [ʲiń], гинять 'хотя' [ʲińat]; агамь лиштемь 'пашу' [aɣam lištem], шога 'соха' [šoɣa]; кудогинять 'который-нибудь' [kudo-ʲińat], илегинь 'ежели бы' [il'e ʲiń], укегинь 'убо того ради' [uke ʲiń]; улгецна 'когда бы мы были' [ulɣesna], кудунгинять 'у которого-нибудь' [kudin-ʲińat], кionгинять 'у кого-нибудь' [kõn-ʲińat] и другие.

Изучив первую марийскую грамматику и некоторые другие памятники письменности XVIII в., мы в какой-то степени можем согласиться с мнением Б. И. Каракулова, что факт введения и сохранения латинской литеры *g* связан с церковными канонами письма. Историю ввода графемы *g* в удмуртский алфавит, как и в марийский, можно связать с правилами, диктуемыми церковью относительно русского и старославянского письма. В. Пуцек-Григорович, как духовный человек и руководитель работы по составлению чувашской, марийской и удмуртской грамматик, не мог нарушить «святость» обозначения спирантного и фрикативного звука кириллической буквой *г*. Поэтому для обозначения заднеязычного звука он предложил использовать латинскую графему *g* (Каракулов 1999 : 73). Однако в марийских словах графема *g*, как уже отмечалось, применяется непоследовательно.

6. Латинская *g* встречается в стихотворении, переведенном на марийский язык и прочитанном в 1782 г. учащимися Казанской семинарии по случаю открытия Казанского наместничества. Она присутствует в трех словах (в тексте 30 лексем): *кугужа* 'царь, государь' [kuyiža], *егыжа* (лексема входит в состав редких и забытых слов, значение не понятно) [eɣž̥a], *tege* 'так, таким образом' [teɣe]. В одном слове зафиксирована буква *г*: *шачикъжге* (лексема неясного происхождения) [ša čikž̥ɣe] (скорее всего слово *шочшыжге*, где корень слова *шочшы-*, *-же* притяжательный суффикс 3-го л., ед. ч. и *-ге* суффикс комитатива).

7. «Святость» обозначения фрикативного звука на письме сохранили и составители рукописных словарей Д. Дамаскин, В. Крекнин и И. Платунов. Все трое были духовными лицами. В «Словаре черемисского языка съ російскимъ переводомъ...» (Ф. 2013, оп. 602-а, ед. хр. 186 — черновой (нижегородский) вариант; Эрм. собр. № 218 — белой (санкт-петербургский) вариант),⁸ руководителем которого был преосвященный Дамаскин, *g* встречается чаще, чем буква *г*: *игешубо* 'дети', *курго* 'запас', *магра* 'горб', *оугуке* 'беспечальный', *пенеге* 'щенок', *пурьагаль* 'бесчестный', *саньга* 'лоб', *сенга* 'чело', *сенгашь* 'победить', *тангашь сирь* 'берег морской', *тенге тунге* 'так как', *ургемь* 'вышиваю', *чонгештемь* 'облетаю', *шагарь* 'блудник', *шерге* 'драгоценный', *шигиле* 'железа', *шонго* 'немолод', *шуйденагаль* 'без приказы', *шургу кесе* 'коза дикая', *шургумь сабемь* 'бью по щеке', *энгежъ* 'малина' и мн. др. В то же время составители словаря пользуются и кириллической буквой *г*, ср., например: *гыць* 'из', *идгалтемь* 'стекаю', *жаргемь* 'зеленею', *кого шимкишке* 'змея великий', *кугу оро* 'орудие великое', *кугуморь* 'клубника', *кугу парня* 'большой палец', *нерге* 'порядок', *нергень* 'порядку', *оголь* 'угол', *пюжь вють иогамь* 'потом обливаюся', *тугурь* 'рубашка', *шагаль* 'мало', *шюдюгана* 'стократно', *шургио* 'лицо', *яшкарьге*

⁷ В современном марийском языке звонкий вариант *г* встречается в составе некоторых послелогов и союза.

⁸ Санкт-Петербургский вариант дамаскинского словаря переиздан нами факсимильным способом (с лингвистическим и палеографическим анализом), см. Сергеев 2003.

'красный'. Однако в словаре преобладает латинская *g*. Как известно, в составлении словаря участвовали священники и семинаристы Нижегородской епархии. Им как духовным лицам присуще было стремление сохранить букву *g*.

8. Буквой *g* пользовались и составители татарской и мордовской части дамаскинского памятника «Словарь Языковъ разныхъ народовъ въ Нижегородской Епархіи обитающихъ...». Что касается введения в лексикографический памятник литеры *g* в качестве самостоятельной графемы, якобы отличной от буквы *g*, мы считаем весьма ценным замечание самого Дамаскина в предуведомлении к словарю. В частности, он дает следующее разъяснение: во-первых, «Здесь знать надобно еще то, что в сем словаре употребляемая из латинского языка буква *g* не должна читана и произносима быть, как русское *g*», во-вторых, «Но как два *gg* русских вместе, или как греческий *spiritus asper*... поне же нашим русским глаголем *g* не можно изобразить некоторых выговоров в сих языках (выделено нами. — О.С.), а паче в татарском, где *g* буква больше произносится через горло» (Ф. 2013, оп. 602-а, ед. хр. 187, л. 7 об.; также см. Феокистов 1968 : 62). Необходимо подчеркнуть, что под словосочетанием «в сих языках» Д. Дамаскин имеет в виду татарский, чувашский, марийский, мордовский языки. Что касается удмуртского языка, то лексические единицы, находящиеся в словаре Дамаскина, почти полностью переписаны из первой удмуртской грамматики 1775 г. Поэтому высказывание Дамаскина к словам удмуртского языка не относится. Получается, Д. Дамаскин, будучи крупнейшим лингвистом, опытным лексикографом и знатоком многих языков, в том числе и европейских, не мог не заметить отличие звука *g* финно-угорских (в данном случае марийского и мордовского) и тюркских (татарского и чувашского) языков от *g* русского языка.

Не исключено и то, что руководителю работы по созданию первой марийской грамматики В. Пуцеку-Григоровичу, представителю некоренной национальности, языковое чутье подсказало отличие марийского звука *g* от *g* русского языка: по необходимости в грамматике параллельно с *g* была использована буква *g*. Известно, что представителю другого народа, тем более широко образованному языковеду, специфика иностранных языков понимается легко.

Знание особенностей марийских звуков различными деятелями церкви и сферы образования рассмотрим на конкретном примере. Например, в рукописном «Кратком руководстве к изучению черемисского языка по обоим (луговому и горному) наречиям» (1859 г.) преподаватель марийского языка Казанской духовной семинарии Алексей Канцеровский, характеризуя звук *g*, отмечал: «...буква *G*, если предшествуема бывает буквою *n* то обе (*ng*) звуком своим соответствуют звуку татарской буквы *сагырь нунь* (скрытое глухое *n*); например, *энгежъ* 'малина'» (Р. III, оп. 1, № 213, л. 4 об.). В данном случае составитель марийской грамматики под диграфом *ng* подразумевал заднеязычный смычный носовой сонант *n*, ср. *эныж* 'малина' [eŋdʒ̥]; ср. также его объяснение о природе звука *k*: «буква *k* (звук. — О.С.) иногда произносится как латинский *g*, например, *колтышимъ* 'я желал'» (Р. III, оп. 1, № 213, л. 4 об.). Для анлаутного *k*, «который произносится как латинское *g*», А. Канцеровский нашел начертание *ĕ* (*k* с дужкой), ср. совр. мар. *колтышым* 'я отпустил' [koltʃ̥s̄m].

9. По поводу использования буквы *g* в мордовской части памятника Дамаскина, А. П. Феоктистов отмечает: «Если в татарских и чувашских словах употребление латинской буквы *g* было мотивировано, поскольку имелось означаемое — заднеязычный звонкий взрывной *ɣ* (в современной орфографии тюркских языков *F*), в отличие от соответствующего спонданта, обозначаемого буквой *z*, то в мордовской части появление латинского *g* можно объяснить единственно стремлением составителей к сохранению одних и тех же приемов графической передачи слов одними и теми же средствами. Больше того. В мордовских словах фонема *g* почти повсюду передается латинской буквой *g*. Исключение составляет очень небольшая группа русских заимствований, в которых сохранено написание с русской буквой *z*» (Феоктистов 1968 : 62). Интересно отметить, что фонема *z* «мокша-мордвы» в «Мордовской грамматике» П. Орнатова первой половины XIX в. отнесена к специфическому звуку; в частности, автор грамматики пишет, что «*z* произносится как нечто среднее между *k* и *h*, или латинской *g*» (Киржаева 2014 : 268).

10. В «Кратком черемисском словаре с российским переводом» Василия Крекнина и Иоанна Платунова латинская буква *g* встречается очень редко. Она обнаружена только в десяти словах: *agamь лиштемь* 'пашу' [aɣam lištem], *варсенга* 'ласточка зверок' [varsenga], *гинга* 'сноха' [ɣinga], *нергэдыме* 'без завещания' [nerɣedɨme], *нюгарь* 'слуга' [ɲuɣar, ɲuɣar], *оланге* 'окунь' [olange], *орланге* 'крот, кисть' [orlange], *шенгелне* 'за, позади' [šengelne], *тагань* 'таган' [tayan], *энгежъ* 'малина' [engež]. В лексической единице *гинга* 'сноха' зафиксированы обе буквы: и *g*, и *z*. Как видим, в начале слова зафиксирована буква *z*, а в середине — *g*. В преобладающем большинстве случаев составители-священники пользуются буквой *z*, например: *агурь* 'пучина' [aɣur], *агутань* 'петух' [aɣutan], *верге* 'почка' [verɣe], *волгодо юкъ* 'светлый глас' [volɣodo jük], *вюрянгъ* 'канат' [vüranɣ], *вюргене геценъ* [vürɣeɲe ɣesen] 'доска из меди или железа', *игижге* 'мерзость' [iɣižɣe], *идангъ* 'тетива, струна' [idanɣ], *жозоге* 'ленивец' [jozoze], *жонгошемъ* 'жую' [joŋɔšam], *жошкарге* или *жошкаръ* 'красный' [joškarɣe, joškar], *керге* 'дятел черный' [kerɣe], *оролшто шольгемъ* 'на карауле стою' [orolšto šoɣem], *сосна иге* 'поросенок' [sosna iɣe], *таганьлеме* 'подкованный' [tayanlɨme], *тангъ* 'приятель, друг' [taŋ], *тангаштаремъ* или *тангастаремъ* 'уподобляю, принаравливаю, применяю' [taŋaštarem, taŋastarem], *тенгиль* 'скамейка, скамья' [teŋgil], *тугалаце* 'сваха' [tuɣalace], *туганякъ* 'подобный' [tuɣaɲak], *тугурь* 'рубашка' [tuɣur], *ятыръ жошкарге* 'красноватый' [jatɨr joškarɣe]. По нашему мнению, церковнослужители В. Крекнин и И. Платунов в своих неопубликованных памятниках предпочтение отдавали букве *z*. Справедливость нашего высказывания подтверждают словарные статьи, где графемы *z* и *g* встречаются в одних и тех же словах и используются как графические синонимы. Первой лексемой в словарной статье дается лексическая единица с буквой *z*. Слова соединяются разделительным союзом *или* и сочинительным союзом *и*, например: *ага* или *ага* 'пашня' [aɣa], *гинъ* или *гинъ* 'ежели, как, как только' [ɣiɲ], *канышь анга* или *канышь ага* 'пашня через год отдыхающая' [kanɔš aŋa, kanɔš aɣa], *кнага* или *киняга* 'книга' [knaɣa, kiɲaɣa], *санга* или *санга* 'лоб, чело' [saŋa], *шенгеценъ* или *шенгецъ* 'созади, позади' [šengelcen, šengelc], *тага* и *тага* 'овен, баран' [taɣa]. По данным Б. И. Каракулова, в рукописном

«Кратком вотском словаре с российским переводом» (1785) священника З. Кротова полностью сохранена традиция написания латинской *g* (Каракулов 1999 : 73; также Ившин 2010а : 70; Кротов 1995). Сравнительный анализ показал, что в тех лексических единицах, где в словаре В. Крекнина и И. Платунова встречается буква *g*, в словаре Д. Дамаскина зафиксирована *g*, ср., например: *ургемь* 'зашиваю, ошиваю, вшиваю, вышиваю', совр. марЛ *ургем* [*urɣet*] — *ургемь* 'вшиваю' (через тире дан пример из словаря Дамаскина. — О.С.), совр. марГ *ьргем* [*ɣrɣet*];⁹ *шудужарге* 'зеленый', совр. марЛ *шудо ужарге* досл. 'трава зеленая' [*šudo uʒarɣe*] — *мжарга* 'зеленый, зелено', совр. марГ *ьжаргы* [*ɣʒarɣɔ*]; *керге* 'дятель черной' совр. марЛ *керге* [*kerɣe*] — *керге* 'дятель черный', совр. марГ *кергь* [*kerɣə*]; *оролшто шольгемь* 'на карауле стою', совр. марЛ *оролшто шолгем* [*orolʒšto šolɣet*] — *ороло шалгемь* 'на карауле стоят', совр. марГ *орол шалгем ылам* досл. 'стою на карауле' [*orol šalɣet ɣlam*]; *тагань* 'таган' — *тагань* 'подкова' [*tayan*]; *ургузо* 'портной, швец', совр. марЛ *ургызо* [*urɣɔzo*] — *ургузо* 'портной', совр. марГ *ьргызы* [*ɣrɣɔzɔ*]; *кемемь ургозо* 'сапожник', совр. марЛ *кем(ым) ургызо* [*ket(ɔm) urɣɔzo*] — *кеемь оргозо* 'сапожник', совр. марГ *кем ьргызы* [*ket ɣrɣɔzɔ*]; *лопшанге* 'шершень', совр. марЛ *лопшанге* [*lopšanɣe*] — *лопшанге* 'шершень', совр. марГ *лапшангы* [*lapšanɣɔ*].

Крупнейший исследователь финно-угорских языков А. Шёгрэн, работая в Санкт-Петербургской Академии наук над рукописными материалами XVIII в., при переписке марийских слов также использовал в своих записях букву *g*, ср., например: *шюша* — *saga* 'воротник' [*šüša, saya*], *мерянге* — *меренгь* 'заяц' [*merɣanɣe, meren*], *шертнерь* — *шаранго* 'ивняк' [*šertner, šaranɣo*], *ионга* — *iongo* 'филин' [*jonɣa, jonɣo*] (Ф. 94, оп. 1, ед. хр. 232, см. также Sergeev 2009 : 565). А. Шёгрэн в словах-дублетах сохранил оригинальный вид написания.

11. В анонимном «Словаре языка черемисского» (Эрм. собр. № 216), который «вероятно, должен был служить материалом для сравнительного словаря Екатерины II» (Булич 1904 : 447), также варьируются буквы *g* и *g*. Однако *g* используется реже, чем буква *g*, например: *венге* 'зять' [*venɣe*], *гане* 'будто' [*ɣane*], *гичь* 'из' [*ɣiɕ*], *игерче* 'лепешка' [*iɣerɕe*], *какаргамо* 'багровый' [*kaɣarɣamo*], *келге* 'глубокий, глубоко' [*kelɣe*], *кенгежь* 'лето' [*kenɣeʒ*], *кугачай* 'дед' [*kuɣaɕaj*], *люттегызе* 'безбоязненно' [*lütteɣɔze*], *мерянге* 'заяц' [*merɣanɣe*], *моганьзе* 'какой' [*moɣanɣze*], *могорь* 'бок' [*moɣor*], *пюгорь* 'горб' [*püɣür*], *санга* 'лоб' [*sanga*], *тумулеге* 'жельдь' [*tumuleɣe*], *тюльгень* 'коршун' [*tülɣen*], *унагудо* 'двор постоянный' [*unaɣudo*], *шугуртатымашь* 'ворчание' [*šuyurtatɔmaš*]; см. также: *лугемь* 'болтаю' [*luɣet*], *лугемашь* 'болтание' [*luɣemaš*], *лугемашлыкь* 'болтливость' [*luɣemašlɔk*], *онгь* 'грудь' [*on*], *онгань* 'грудистый' [*onɣan*], *чонгештамь* 'летаю' [*ɕonɣeštem*], *шого* 'гугнивый' [*šoɣo*]. В то же время в словаре, содержащемся в материалах Аделунга,¹⁰ писцы в оформлении

⁹ Основу крекнинского словаря составляет луговое наречие марийского языка, а дамаскинского — горное наречие (Сергеев 2021 : 179—184, 207—210).

¹⁰ «Словарь языка черемисского» (Эрм. собр. № 216) является копией аналогичного «Словаря языка черемисского», хранящегося в материалах Ф. П. Аделунга (Ф. 7. № 124. № 33. Черемисский язык) (см. подробнее Сергеев 2002 : 39—41). Он, по-видимому, вместе с другими материалами был специально переписан для «...Высочайшего пользования при работах Императрицы Екатерины II над ее сравнительным словарем» (Булич 1904 : 432).

некоторых слов не различали буквы *g* и *g*, отчего происходила взаимозамена их друг с другом, ср., например: *пенгыдемдемь* 'подкрепляю' — *пенгыдемдемь* 'тж' [*penḡâdemdem*], *энгертомо* 'подпора' — *энгертемо* 'тж' [*enḡertomo*]. Аналогичное мы наблюдаем и в «Словаре языка вотского» 1820 года. В «Словаре языка вотяков», составленном священником Степаном Сидоровым и датированный 1816 г., латинской буквой *g*, «причем инициальная *g* (а иногда инлаутная) систематически обозначена русская заглавная *Д*...» (Ившин 2010а : 88). Смешение русских и латинских букв, имеющих одинаковое начертание, но различное фонетическое значение (рус. *у*, лат. *u*; рус. *д*, лат. *g*; рус. *у*, лат. *y*), по словам А. П. Дульзона, например, наблюдается в рукописях и печатных работах по кетским наречиям (1961 : 157). Не полное владение графической лингвистикой (или грамматологией) (см. Амирова 1985 : 18, 48; Солнцев 1985 : 3) привело к грубейшим ошибкам и некоторых современных мароведов при переписывании отдельных слов из источников другого автора, ср., например: *гинда* 'сноха', вм. *гинга* 'тж' (Барцева 2003 : 148), лит. *енгай* 'сноха, невестка, жена старшего брата'.

Итак, в памятниках письменности марийского языка второй половины XVIII в. для передачи марийского заднеязычного шумного *g* используются кириллическая буква *г* и латинская *g*. Впервые они применены в первой марийской грамматике 1775 г., одним из составителем и редактором которой был Казанский митрополит В. Пуцек-Григорович. Анализ графической системы памятников XVIII в. позволяет говорить о том, что в использовании букв *г* и *g* не было строгих определенных правил. Составители словаря/словарей могли писать и *г*, и *g*. Буква *г* в основном встречается в интервокальном положении и после сонантов. Буква *g* главным образом встречается в начале слова, после сонорных согласных, также как и *г* между двумя гласными. Авторам грамматики, как духовным лицам, присуще было стремление сохранить как можно больше букву *g*. В. Пуцек-Григорович также понял отличие марийской смычно-взрывной *г* и ее фрикативный оттенок, для передачи которой применял букву *g*.

В лексикографическом произведении Д. Дамаскина, епископа Нижегородского и Алаторского, буква *g* встречается чаще, чем кириллическая *г*. Кукарские священники В. Крекнин и И. Платунов в своих неопубликованных памятниках отходили от принципа использования латиницы *g* и кириллицы *г* в словах. В их рукописных словарях буквы *г* и *g* встречаются параллельно в одних и тех же словах и употребляются как графическая синонимия.

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Address

Oleg Sergeev
Mari Research Institute of Language, Literature and History
E-mail: olsemar@rambler.ru

Сокращения

МРС 1991 — Марийско-русский словарь. С приложением краткого грамматического очерка марийского языка, Йошкар-Ола; **СМЯ 1992** — Словарь марийского языка. Т. II. *И, Й, К (кабак — коса)*, Йошкар-Ола; **СМЯФ 1960** — Современный марийский язык. Фонетика, Йошкар-Ола; **Сочинения 1775** — Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ черемисскаго языка. Въ Санкт-Петербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года.

марГ — горное наречие марийского языка; **лат.** — латинский язык; **лит.** — литературный язык; **марЛ** — луговое наречие марийского языка; **мар.** — марийский язык, **рус.** — русский язык.

ед. хр. — единица хранения; **л.** — лист, листок; **межд.** — междометие; **об.** — оборот; **оп.** — опись; **орф.** — орфографически; **р.** — разряд; **рел.** — религиозное слово; **ф.** — фонд; **Эрм. собр.** — Эрмитажное собрание.

ИСТОЧНИКИ

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук:

Марла оляш тунуктэмo сумул тюрлю руш шомак-шамыч-гэ олок мари ойомш возоктэн пыштэмo-шамыч дэно. Краткое руководство к изучению черемисского языка по обоим (луговому и горному) наречиям и Словарь. Составил преподаватель черемисского языка в Казанской семинарии Алексей Канцеровский. Казань, 1859. — Р. III, оп. 1, ед. хр. 213. «Словарь языка Черемисского» с переводом на русский язык. Списано Шегреном в 1840 г. с подлинника, хранящемся в библиотечном Эрмитаже. — Ф. 94, оп. 1, ед. хр. 232.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки:

Краткой черемиской словарь съ російскимъ переводомъ, собранный Кукарской слободы Троицкого собора протоіереемъ Василиємъ Крекнинымъ и Спаской церкви Діакономъ Іоанномъ Платуновым]. 1785 года. — Эрм. собр. № 197/1.

Словарь черемисскаго языка съ російскимъ переводомъ. — Эрм. собр. № 218. Словарь Языковъ разныхъ народовъ въ Нижегородской Епархіи обитающихъ: имянно Россіянъ, Татаръ, Чювашей, Мордвы и Черемись: По высочайшему соизволенію и повелѣнію Ея Императорскаго величества Премудрой Госыдарыни, Екатерины Алексеевны, Императрицы и Самодержицы всероссійской, по алфавиту російскихъ словъ расположенной и в Нижегородской семинарии отъ знающихъ оныя языки священниковъ и семинаристовъ, подъ присмотромъ Преосвященнаго Дамаскина епископа Нижегородскаго и Алаторскаго, сочиненный 1785-го года. — Эрм. собр. № 223.

Словарь языка черемисскаго. — Эрм. собр. № 216.

Фонд 7. Аделунг Ф. П. № 124. № 33. Материалы Аделунга. Черемисскій языкъ.

Центральный архив Нижегородской области:

Словарь черемисскаго языка съ російскимъ переводомъ по алфавиту российскому расположенный. — Ф. 2013, оп. 602-а, ед. хр. 186.

Словарь Языковъ разныхъ народовъ въ Нижегородской Епархіи обитающихъ: имянно Россіянъ, Татаръ, Чювашей, Мордвы и Черемись: По высочайшему соизволенію и повелѣнію Ея Императорскаго величества Премудрой Госыдарыни, Екатерины Алексеевны, Императрицы и Самодержицы всероссійской, по алфавиту російскихъ словъ расположенной и в Нижегородской семинарии отъ знающихъ оныя языки священниковъ и семинаристовъ, подъ присмотромъ Преосвященнаго Дамаскина епископа Нижегородскаго и Алаторскаго, сочиненный 1785-го года. — Ф. 2013, оп. 602-а, ед. хр. 187.

ЛИТЕРАТУРА

- А л а т ы р е в В. И. 1975, Введение. — Первая научная грамматика удмуртского языка, Ижевск, 3—15.
- А м и р о в а Т. А. 1985, Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка, Москва.
- Б а р ц е в а Л. И. 2003, XVIII курмысо мутер-влак. — Л. И. Барцева, И. С. Галкин, Кызытсе марий йылме. Лексикологий, Йошкар-Ола, 143—149.
- Б у л и ч С. К. 1904, Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XVIII в. — 1825 г.). С приложением, вместо вступления «Введения в изучение языка» Б. Дельбрюка, Санкт-Петербург.
- Д и м и т р и е в В. Д. 1967, Документы об издании книги «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка». — Ученые записки ЧувНИИ. Вып. XXXIV, Чебоксары, 153—162.
- Д у л ь з о н А. А. 1961, Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям. — Ученые записки Томского государственного педагогического института. Т. XIX. Вып. 6, Томск, 152—189.
- Е г о р о в В. Г. 1951, Первая печатная грамматика чувашского языка 1769 г. — Тюркологический сборник. Вып. 1, Москва—Ленинград, 85—92.
- И в а н о в И. Г. 1975, История марийского литературного языка, Йошкар-Ола.
- И в ш и н Л. М. 2010, Материалы Й. Э. Фишера по удмуртскому языку: лингвистическая характеристика. — Урало-алтайские исследования, № 1, 86—94.
- — 2010a, Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII — в первой половине XIX века, Екатеринбург—Ижевск.
- К а р а к у л о в Б. И. 1999, Из истории обозначения удмуртского взрывного заднеязычного *g* латинской графемой *g*. — Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность. Материалы региональной научной конференции, Глазов, 71—74.
- К и р ж а е в а В. П. 2014, Учебные книги для мордвы XIX века как источник изучения начального этапа формирования мордовской лингвистической терминологии. — Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса. Материалы IX международного симпозиума (Саранск, 13—15 июня 2013 г.), Саранск, 265—270.
- К р о т о в З. 1995, Удмуртско-русский словарь (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловского Троицкой церкви священникомъ Захарією Кротовымъ, 1785 года), Ижевск 1995 (Памятники культуры Удмуртии. Лингвистическое наследие. Памятники удмуртской филологии I).
- К у к л и н А. Н. 2013, Олык-эрвел марий орфоэпий. Тунемме книга, Йошкар-Ола.
- Л а в р е н т ь е в Г. И. 1977, Основы письма первой марийской грамматики. — 200 лет марийской письменности. Материалы научной сессии, Йошкар-Ола, 42—46.
- Л о б а н о в а А. С. 2007, О первой грамматике пермяцкого языка. — Памятники культуры. Лингвистическое наследие. Краткія Грамматическія Правила Принадлежащія къ Знанію Пермьтскаго Языка Составленныя Города Соликамска Свято Троицкаго Собора Протоіереемъ Ѳеодоромъ Любимовымъ 1838 года Февраля 8-го дня, Пермь (Труды Института языка, литературы, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Выпуск 5), 207—226.
- — 2008, Рукописная грамматика пермяцкого языка Ф. Любимова (1838 г.). — Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности. Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 170-летию со дня написания рукописной грамматики пермяцкого (совр. коми-пермяцкого) языка, Пермь, 7—16.
- Л ю б и м о в 2007, Краткія Грамматическія Правила Принадлежащія къ Знанію Пермьтскаго Языка Составленныя Города Соликамска Свято Троицкаго Собора Протоіереемъ Ѳеодоромъ Любимовымъ 1838 года Февраля

- 8-го дня. — Труды Института языка, литературы, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 5, Пермь.
- Родинон В. Г. 2012, Ермей Рожанский. Жизнь и творчество, Чебоксары.
- Сергеев О. А. 2002, Истоки марийской письменности. Историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII—XIX веков, Йошкар-Ола.
- 2003, Из истории отечественной лексикографии. Словарь черемисского языка с российским переводом, Йошкар-Ола.
- 2020, Василий Крекнин, Иоанн Платунов «Краткий черемисский словарь с российским переводом»: лингвистический анализ (с приложением словаря), Йошкар-Ола.
- 2021, Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII — XVIII вв.), Йошкар-Ола.
- 2022, Передача специфических звуков марийского языка в памятниках письменности конца XVII — XVIII вв. — LU LVIII, 275—286.
- Солнцева В. М. 1985, Язык и письмо (Вместо предисловия). — Т. А. Амброва, Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка, Москва, 3—17.
- Тараканов И. В. 2007, Из истории удмуртской графики. — Удмуртский язык: становление и развитие. Сборник статей, Ижевск, 76—84.
- Тепляшина Т. И. 1965, Памятники удмуртской письменности XVIII века (Выпуск первый), Москва.
- 1995, Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова. — З. Кротов, Удмуртско-русский словарь (= Краткий Вотской словарь с российским переводом собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарією Кротовымъ, 1785 года), Ижевск 1995 (Памятники культуры Удмуртии. Лингвистическое наследие. Памятники удмуртской филологии I), VII—XX.
- Феоктистов А. П. 1968, Истоки мордовской письменности, Москва.
- Alhoniemi, Alho 1985, *Marin kielioppi*, Helsinki.
- Sergeev, Oleg 2009, J. Sjögren as a scholar and collector of Mari materials, 1828—1829. — *Defining Self. Essays on Emergent Identities in Russia Seventeenth to Nineteenth Centuries*, Helsinki (Studia Fennica. Ethnologica 10), 559—571.

OLEG SERGEJEV (Joškar-Ola)

KIRILLITSA *z* JA LADINA *g*
MARI XVIII SAJANDI TEISE POOLE KEELEMÄLESTISTES

Artiklis vaadeldakse, kuidas on mari keele varajastes keelemälestistes kasutatud kirillitsa tähte *z* ja ladina tähte *g*. Esimest korda esineb *g*-tähte 1775. aasta mari grammatikas, kus seda kasutatakse *z*-tähest sagedamini, ning sama kehtib ka Damaskini 1785. aasta käsikirjalise sõnaraamatu kohta. Samast aastast pärinevas Kreknini ja Platunovi avaldamata sõnastikus on *g*-tähte tarvitatud väga piiratult. Damaskini sõnaraamatu puhul võib *g*-tähte aktiivset kasutamist seletada vene õigeusu kiriku kirjaviisi mõjuga. On palju näiteid, kus *z* ja *g* esinevad paralleelselt. Kreknin on kasutanud tähti *z* ja *g* graafiliste sünonüümidenä. Mõlemad võivad ette tulla ka ühes ja samas sõnas.